

Гендерні дослідження: прикладні аспекти: [наук. монографія.] / [В.П.Кравець, Т.В.Говорун, О.М.Кікінежді та ін.]; за наук. ред. В.П. Кравця; – Тернопіль: Навчальна книга – Богдан, 2013. – 360 с.

Власова Т.И.

Дихотомия «разум/тело» и образование как проблема феминистской философии

Как неоднократно отмечалось исследователями, история западноевропейской культуры демонстрирует ряд дихотомий, лежащих в основе многих теоретических построений, гендерных в том числе. По утверждению исследователей гендера, такие бинарные оппозиции, как культура/природа, рациональность/иррациональность, разум/чувство, дух/тело и т.п. всегда рассматривались – и рассматриваются – в русле ценностно-иерархического мышления, которое философы называют логикой доминирования (К. Уоррен, С. Хардинг, С. Шервин, К. Уитбек и др.) [1, с.7]. Ученые-феминисты утверждают, что подобные бинарные оппозиции отражают универсализирующую роль классификации по признаку пола: мужское и женское на онтологическом и гносеологическом уровнях выступают как элементы культурно-символических рядов, подчас бессознательных бинарных оппозиций.

Как известно, дихотомия «разум/тело», будучи одним из важнейших метафизических тезисов западноевропейской философии, лежит и сегодня в основе большинства концепций ментального и физического. По Декарту, разум и тело являются отдельными субстанциями, имеющими различную природу и сущность. В «Размышлениях о методе» Декарт пишет, что сущность разума – это атрибут мысли, сущность тела – атрибут экстенции. Поскольку разум и тело – это единственные созданные субстанции, все качества, которые видоизменяют созданные субстанции, являются таким образом или способом мышления, или способом экстенции. Однако очень важно, что в «Страстях души» Декарт не отвергает идею «союза» разума и тела.

Следует отметить, что многие комментаторы в течение веков полагали, что проблема взаимодействия разума и тела не имеет решения, однако в последние годы интерпретаторы учения Декарта проявляют интенцию к позитивному решению сложных отношений между картезианским дуализмом и «союзом» разума и тела (Л. Бентез, Р.К. Ричардсон, З. Монрой-Наср и др.). Как полагает Хоффман, предпосылки подобных идей, несомненно, прослеживаются у Декарта, который основывал свои концепции взаимодействия разума и тела, изложенные им в «Страстях души», на доктрине Аристотеля об обучении и учении. По Аристотелю, обучение (преподавание) и учение (приобретение знаний) являются различными аспектами одной и той же актуальности. Но учиться – значит претерпевать изменения, изменения – в категории качества, а именно, в приобретении знаний. Аристотель пишет, что это изменение локализуется в ученике, потому что именно ученик меняется в добродетели учения, но не учитель в добродетели обучения ученика. Таким образом, как обучение ученика, так и его учеба, имеют одну и ту же локацию, заключающуюся в ученике [1].

Безусловно, подобные идеи открывают некоторую перспективу в отношении дуализма разума и тела. Также безусловно и то, что это никак не отразилось на самих мыслях Аристотеля в отношении женщин и их природы. Для Стагирита не существовало сомнений в том, что женщины не способны рационально рассуждать. Великий философ утверждал: для того, чтобы быть добродетельным, нужно следовать своей цели. Незавершенность движения к этой цели есть уродство, отклонение от природной модели развития. В случае с человеческим существом завершение достигается тогда, когда зрелый человек руководствуется разумом, делая правильный выбор между добром и злом, добродетелью и пороком. По Аристотелю, всякая женская особь представляет собой незавершенную мужскую особь, таким образом, развитие женщины по соответствующей природной модели не завершено [2, с. 54-55].

С другой стороны, следует все же отметить, что, например, Платон писал в «Государстве» о том, что природа мужчин и женщин одинакова, и нет такого дела, которое было бы свойственно женщине как таковой или мужчине как таковому. Если и есть некоторая разница между мужским и женским полом, то разница эта несущественная, скорее количественная, а не качественная, не такая, которая мешала бы мужчинам и женщинам во всем участвовать на одинаковых правах. Платон сравнивает это с тем, как если бы от занятий ремеслом башмачника отстранить людей, имеющих густые волосы, на том основании, что есть плешивые башмачники, и – наоборот [3]. Утверждая, что женщины могут быть философами-королевами, Платон выступил против гендерных стереотипов, но, как не раз отмечалось, платоновское «постановление» ограничивалось женами философов и стражей. Безусловно, не следует преувеличивать «феминизм» Платона, который пишет, что женский пол создан из душ самых грешных и неразумных мужчин. Противоречивость его взглядов на женщин очевидна: утверждение о том, что от природы женщины вдвое хуже мужчин, не согласуется с радикальной идеей о том, что женщин можно включить в число высокопоставленных правителей-философов идеального города [4, с. 25]. И все же Платон одним из первых акцентировал мысль, что не женская сексуальная идентичность, не их тела и не их репродуктивные функции определяют фемининность. Таким образом, Платон начал дискуссию, отразившуюся затем в дуальностях «разум/тело», «природа/воспитание» («nature/nurture»).

Эпоха Просвещения с ее оптимистической верой в прогресс через поступательное развитие человеческого разума, как известно, породила феминизм, и в то же время среди философов Просвещения существовало всеобщее согласие по поводу того, что идеи рационального индивидуализма не применимы к женщинам, поскольку они от природы не способны к полноценному развитию разума. Именно поэтому первые требования феминисток – «феминисток до феминизма» – были связаны с признанием

рациональности женщин и были нацелены на опровержение незыблемости оппозиции «разум/тело», из чего непосредственно вытекало требование адекватного образования для женщин – главной практической проблемы феминизма на протяжении всего последующего XIX в. Британские «феминистки до феминизма» (М. Эстел, М. Чадлей, М.У. Монтагу, М. Уоллстоункрафт, К. Маколей, М. Эджворт и др.) изменили мировоззренческие стандарты, лежащие в основе гендерных стереотипов предшествующих периодов – Средневековья и Возрождения, начав с проблемы важности образования для женщин.

Для многих теоретиков феминизма, начиная с М. Уоллстоункрафт, дихотомии разум/тело, рациональность/эмоциональность являются важнейшими оппозициями в ряду гендерных дуальностей. С этими оппозициями тесно связана дихотомия «культура/природа» или то, что западные теоретики называют «nurture /nature» (воспитание/природа). Следуя логике этой оппозиции, культуру и разум репрезентирует маскулинность, а природу и эмоции – фемининность. Таким образом, бинарные оппозиции ратифицируют доминирующую роль первого элемента – мужчины посредством маргинализации второго элемента – женщины.

Для М. Уоллстоункрафт, одной из самых ярких представительниц феминистской мысли, дихотомия разум/чувство является важнейшей оппозицией. К тому же, поскольку она обращается к изучению специфики жизни женщин в социальной и политической сферах, разграничение чувства и разума с неизбежностью вызывает в её воображении аналогичные оппозиции – природа/культура, частное/общественное. Как уже отмечалось, объединяющим элементом для всех деятелей Просвещения – эпохи разума – была оптимистическая вера в прогресс посредством развития познания. В своей «Защите» Уоллстоункрафт сразу же расставляет акценты: главное – авторитет разума и принципы рационализма. Уоллстоункрафт доказывает, что вся система воспитания женщины приводит её к тем самым недостаткам и слабостям, за которые она больше всего подвергается нападкам. Начиная с

раннего детства, женщин обучают, что удачно примененная хитрость, показное послушание, мягкость характера и следование ребяческому стилю поведения обязательно приведут к тому, что мужчины будут им покровительствовать [5, с. 25]. Следуя гендерным стереотипам, к замужеству (что является в логике патриархатных установок главной целью любой женщины) «умные» девушки доводят до совершенства навыки, усвоенные еще подростками, научившись притворяться тем, кем их хотят видеть мужчины, и делать то, что от них ожидают. Цель этих уловок – утаить от других своё подлинное «Я». Что касается умных (без кавычек) девушек, то они понимали, что им остается утолять свой духовный голод книгами и мечтами (возможно, все увеличивающейся злостью), но все равно с виду оставаться мягкими и податливыми. Уоллстоункрафт считала, что если мужчины и женщины обладают одинаковой способностью к мышлению, они должны одинаково использовать эту способность. Женщина не создана специально для того, чтобы нравиться мужчине, а является независимой личностью. Поскольку человеческая сущность мужчин и женщин основана на равноценной Богом данной способности к разуму, то и их добродетели должны быть одинаковы. При этом Уоллстоункрафт не считала, что образование и свобода выбора приведут к отказу большинства женщин от их традиционной роли, но доказывала, что это позволит женщинам лучше исполнять эти роли.

Как известно, идеи и предположения в отношении универсальной гендерной асимметрии получили глубокое развитие в эпохальной работе Симоны де Бовуар «Второй пол» (1949). Именно С. де Бовуар показала во «Втором поле», что мужчина и все мужское понимается как норма, как нечто нейтральное и универсальное: гендерная асимметрия, поставив мужчину в центр, в положение абсолюта, вывела женщину на маргинесс.

В своей характеристике универсальных черт «женщины» Бовуар уделяет значительное внимание физиологии, «телесности» женщин. Она утверждает, что люди придают большое значение наличию у них мужского

или женского тела, при этом она направляет нас к мысли, что тело, в котором «живет субъект», противоположно телу, изучаемому биологом. Осознание человеком своего тела в этом смысле вырабатывается под влиянием определенных обстоятельств, зависящих от того общества, членом которого он или она является. Биология не является судьбой – по крайней мере в двух смыслах, согласно де Бовуар. Во-первых, быть особью женского пола не то же самое, что быть «женщиной»; биология не определяет то, как человек становится женщиной. Во-вторых, разные женщины воспринимают биологические события, связанные с принадлежностью к женскому полу, по-разному. Исследовательница осознает, что во многих отношениях человеческое сознание и человеческая деятельность в разных культурах и в разные исторические этапы принимают совершенно разные формы. И все же то подробное описание женской физиологии, которое предложила Бовуар во «Втором поле», было воспринято многими критиками как абсолютно негативное. Бовуар утверждала, что, только преодолев свою физиологию, женщины могут стать полноценными существами. По этой причине её осуждали за некритичное принятие мужской парадигмы, ставящей разум выше эмоций, ум выше тела и культуру выше природы. Исходя из этой парадигмы женщина может стать «Человеком», только отказавшись от своей сущности.

Сейчас, когда представление о гендере как о социокультурном конструкте получило широкое распространение, кажется естественной мысль, что два пола – это природный базис для двух основных гендерных категорий. Теперь мы рассматриваем гендер как факт социальной организации, понимая, что каждый гендер определяет себя в терминах другого как оппозиционный набор, хотя степень дифференциации сама по себе является культурной переменной. Философы-феминисты, теоретики гендерных исследований сделали многое для того, чтобы разрушить традиционные гендерные идеологии и показать несостоятельность «природных» утверждений о женской неполноценности и иррациональности.

Как только была доказана несостоятельность идеи о врожденной неспособности женщин мыслить рационально, стало совершенно очевидно, что на пути прогресса женщин стоят условности, традиции и стереотипы, а не женская природа или тот факт, что они обладают репродуктивными способностями.

Проблема, однако, в том, что это еще не «конец истории». В постсовременности провозглашена не только «смерть автора», но и «смерть гендера», что было, как оказывается, всего лишь вопросом времени. В постмодерне гендерная идентичность перестает быть «данной». Мы, например, можем создать любой виртуал и презентовать себя в качестве любого гендера в любой интернет-персоне. Рост клиник по изменению пола с помощью хирургических операций также доказывает то, что пол и гендер значительно более податливы, чем думалось ранее. Более того, сама возможность процедуры «ин-витро» оплодотворения показала нестабильность того, что полагалось ранее центральной, определяющей чертой того, что значит быть мужчиной или женщиной. Трансгендерные идентичности подвергают испытанию устоявшиеся и проверенные временем феминистские формулы, соотносящие гендер с обществом (культурой, историей), а пол с биологией (физиологией или природой) [6, с.1].

Как известно, общий постмодернистский подход характеризуется радикальным скептицизмом по отношению к «природному». С другой стороны, общим местом в современной теории является эмпфаза на скептицизме постмодерна по отношению к разуму и рациональности, что связано с самим «постмодерным условием», которое Лиотар определил как скептицизм по отношению ко всем метанарративам. Следует заметить, что постмодерный феминизм (или постфеминизм) позиционирует себя в неприятии модернистского (или либерального) феминизма. Либеральный феминизм, безусловно, уходит корнями в модерн, Новое время. Это рационалистский проект, теоретиков которого вдохновляли идеалы Просвещения. Постфеминизм идет по радикальному пути отличий, которые

связаны прежде всего с телесностью. Вступая в постфеминизм, феминистская теория представляет собой сложный конгломерат и подобных, и иных перспектив и подходов. Но проблема дихотомии «разум/тело» остается по-прежнему актуальной, более того, она, по сути, определяет ту дилемму, которая зародилась в феминизме XVIII века и все еще не разрешена в постмодерне начала XXI в.

Литература:

1. Hoffman P. *Essays on Descartes*. – New York: Oxford University Press, 2009. – P. 15-32.
2. Саксонхаус А. Аристотель: несовершенные мужчины, иерархия и пределы политики // Феминистская критика и ревизия истории политической философии / Сост.: М. Л. Шенли, К. Пейтмен; Пер. с англ. под ред. Н. А. Блохиной. – М.: РОССПЭН, 2005. – С. 53-81.
3. Платон. *Держава*. – К.: Основы, 2005. – 355с.
4. Оукин С.М. Философы-королевы и частные жены: Платон о женщинах и семье // Феминистская критика и ревизия истории политической философии. – М.: РОССПЭН, 2005. – С. 249-273.
5. Уоллстоункрафт М. В защиту прав женщин // Феминизм: проза, мемуары, письма. – М.: Прогресс, Литера, 1992. – С.24-38.
6. Chanter T. *Gender. Key Concepts in Philosophy*. – London: Continuum, 2007. – 176 p.

Vlasova T.I.

The Dichotomy «Mind/Body» and Education as a Key Issue of the Feminist Philosophy

Some of the most important connections between the domination of men and subordination of women are claimed by feminist writers to be based on the dichotomy «mind/body». The latter is supposed to lie at the foundation of the oppressive conceptual frameworks which explain, justify, and maintain the

subordination of women by men. Feminist philosophers claim that there are three significant features of these oppressive frameworks: value-hierarchical thinking, value dualism, and logic of domination. All features mentioned above contribute to the structure of argumentation which leads to the justification of women's subordination.

In the Western philosophy «mind/body» dualism that sets the terms for thinking «how we know what we know» – epistemological claims about the world – has been always considered as supporting men's dominance for centuries. Plato and Aristotle associate knowledge with the extrusion of what is symbolically associated with the feminine, though Plato offers conceptions about the ideal societies where there is some place for women in the public sphere.

Descartes' separation of mind and body contributed to the idea that there is an inner essence or truth of gender of which the body is an expression. It is worth while mentioning that philosophers have tried to prove that Descartes does not deny the «unity» of mind and body in his «Passions», and this gives them an impetus for further investigation of the problem.

For M. Wollstonecraft as the most important feminist thinker of the XVIIIth century the project of the Enlightenment involves the programme of the masculine rational education to women. S. de Beauvoir, the canonical figure in the XXth century feminism, despite her devaluation of feminine embodiment vividly contributes to the humanistic epistemology. Beauvoir's thoughts provide us with the opportunity of articulating a distinctive feminist humanism.

Since the 70s of the last century feminist theory has been successfully constructing its view of gender. Feminist philosophers declare that there is no inner truth awaiting for «authentic» realization in bodily (or material) acts. Rather there are cultural stereotypes according to which subjects construct themselves; cultural dictates according to which men and women appropriate and sometimes reinvent historically situated gender roles. Gender researchers, feminist philosophers have been addressing relevant epistemological problems, providing background information, locating particular positions and arguments. By pointing

out connections between the ideas in the philosophical «canon» and the wider literature, by deconstructing the texts both of the classical philosophy and classical fiction gender researchers have managed to produce a remarkable impact on the overall feel for the concerns of the women's place in the rational masculine world.

The postmodern conditions transforming feminism into postfeminism changed the focus in the dilemma either coexist with men on the liberal route to egalitarianism or come out against men on the radical separatist route. In general, postmodernism is an interesting and difficult time for gender theories: now «the end of gender» has been announced (e.g. we can present ourselves as whatever gender we want through Internet personae, we can use the services of gender identity clinics, in-vitro fertilization, and so on). Transgendered identities are challenging feminist and gender formulae which equate gender with society and sex with biology. All these influence theories about gender to a great extent. Still in feminist philosophy Cartesian «mind/body» dualism remains important and topical as it still sets the terms for thinking about women and their location in public or private spheres, still enables science to form and maintain the «scientific» vision of being male or female.